

Красавец и скромница

Автор:

Индия Грэй

Красавец и скромница

Индия Грэй

Любовный роман – Harlequin #22

Он – богатый итальянец, знаменитый режиссер. Она – англичанка, мать-одиночка, едва сводящая концы с концами. Он развелся с женой, ее бросил любимый. Судьба сводит Лоренцо и Сару – на счастье или на беду?..

Индия Грэй

Красавец и скромница

Глава 1

«Найти завидного холостяка».

Сара остановилась в центре парковки перед рестораном, комкая в руке открытый конверт. Она должна познакомиться с завидным холостяком – это первый из фантов, который она получила вместе с приглашением на девичник перед свадьбой сводной сестры. Миссия из разряда невыполнимых. Если бы Сара была способна найти такого, наверное, не осталась бы в свои почти тридцать одна с маленькой дочерью на руках.

За рядами сверкающих «мерседесов» и БМВ, выстроившихся перед самым модным в Оксфордшире загородным пабом, далеко простирались поля и перелески, залитые мягким светом низкого летнего солнца. Сара выросла в этих краях, но знакомый с детства пейзаж не успокоил ее: в голове царил полный сумбур, конверт жег пальцы.

Надо войти в ресторан и признаться, что первый фант ей не по силам. Теоретически она может вообще не ходить на вечеринку, не принимать участия в идиотской игре, не превращать себя в мишень для насмешек. Молодая женщина кинула грустный взгляд на лесок у ручья за оградой. Она знала эти места как свои пять пальцев. Вокруг много укромных уголков, где легко затаиться. Однако, какой бы привлекательной ни казалась мысль провести вечер спрятавшись на дереве, Сара отмела ее как социально неприемлемую. Нельзя же прятаться всю оставшуюся жизнь...

Она пригладила рукой густые вьющиеся кудри. Пора научиться смотреть в лицо действительности, хотя бы ради Лотти. У ребенка должно быть двое родителей, не так ли? Рано или поздно Сара найдет мужчину, чтобы заполнить пустоту, образовавшуюся после столь неожиданного ухода Руперта. Но она не будет бросаться на мужчин, только чтобы не стоять с пылающими щеками перед сестрой и ее лучшей подругой, придумавшей это глупое развлечение!

Мысль о другом мужчине заставила ее похолодеть: пока что она не готова даже думать, что кто-то может заменить Руперта. Впрочем, сейчас не время для размышлений о личных катастрофах, сейчас время собраться с силами и присоединиться к остальным девушкам в пабе.

Из ресторана на улицу высыпала веселая компания. Молодые люди едва взглянули в сторону Сары, но один любезно придержал для нее дверь. Отступать было поздно. Молодая женщина переступила порог, вошла в полутемный холл, на ходу дрожащей рукой засовывая конверт в задний карман джинсов.

С тех пор как она уехала из Оксфордшира, скромный сельский паб «Роза и корона» сильно изменился. Сара помнила его другим, с потертыми коврами на дощатых полах и выцветшими охотничьими гравюрами на прокуренных стенах. А теперь это шикарное заведение с полированными дубовыми полами, кирпичной кладкой стен и постоянно мурлычущей на заднем плане тихой, раздражающе стильной музыкой, которая помогает биржевым брокерам и

успешным юристам расслабиться после напряженной рабочей недели.

Сара занервничала, вдруг почувствовав себя здесь старомодным пережитком прошлого, и повернулась, чтобы уйти, но уязвленное самолюбие заставило ее изменить решение. В конце концов, она самостоятельная женщина, способная содержать и воспитывать ребенка, делать по дому любую, даже мужскую работу, легко, без посторонней помощи, заполнять налоговую декларацию. Сколько смелости нужно, чтобы подойти к стойке бара и заказать напиток?

Бормоча извинения, Сара протиснулась ближе к стойке и беспокойно оглянулась. Через открытую дверь она видела Анжелику и ее подруг, толпившихся вокруг большого стола на веранде. Не заметить шумную компанию хорошеньких девиц, одетых в одинаковые короткие розовые маечки с надписью «Последний загул Анжелики» на груди, было невозможно. Во всяком случае, посетители мужского пола не спускали со сборища на веранде глаз. Идея одинаковых маечек, как и затея с игрой в фанты, принадлежала стройной брюнетке Фенелле, ближайшей подруге невесты.

Сара одернула майку, тщетно пытаясь прикрыть полоску голого живота над слишком тесными джинсами. Если бы она в очередной раз не отказалась от диеты, то сейчас легко порхала бы среди остальных девушек, смеялась, кокетливо запрокидывая голову, и все завидные холостяки укладывались бы у ее ног штабелями. Возможно, ей не пришлось бы даже искать жениха, потому что Руперту и в голову не пришло бы бросить ее ради прекрасного и надменного, как айсберг, блондинистого Системного Аналитика по имени Джулия. Но одинокие ночные бдения на диване с бутылкой дешевого вина и коробкой печенья возле спящей Лотти сделали свое дело. Она не похудела ни на грамм.

Сара утешала себя тем, что до свадьбы еще есть время и она успеет сбросить лишний вес. Церемония должна пройти в Италии, в Тоскане, где Анжелика и Хью купили полуразвалившийся фермерский дом, который планировали превратить в роскошную усадьбу: работы там шли полным ходом. Сара легко могла представить себе подружек Анжелики в легких шелковых платьях, гуляющих по дорожкам живописного сада, и себя... на кухне, в бесформенном фартуке поверх пышных форм.

Навстречу Саре сквозь толпу протискивалась Фенелла с бокалами разноцветных коктейлей, из которых в разные стороны торчали бумажные зонтики и вишенки на шпажках. Она оглядела Сару с холодным интересом:

– Вот и ты, наконец! Мы уж решили, что не явишься. Что будешь пить?

– Э... пожалуй... я бы заказала бокал белого сухого вина.

Стакан диетического тоника был предпочтительнее, но вино поможет снять напряжение.

Фенелла, картинно закинув голову, рассмеялась глубоким гортанным смехом, заставив обернуться всех мужчин вокруг.

– Ну уж нет! – заявила девица. – Достань-ка свой конверт с фантами, там есть идея поинтереснее. – И она двинулась в сторону веранды.

Сара почувствовала, что ее сердце тонет быстрее, чем «Титаник». Фенелла придумала для всех по несколько заданий, каждое – в отдельном конверте, и у Сары не хватило духа заранее узнать, какие еще унижения ее ожидают. Она достала из большого конверта конверт поменьше, раскрыла, прочитала и застонала от отчаяния.

Стройный красавец бармен откинул с глаз длинную челку и сделал едва уловимое движение в ее сторону, которое она восприняла как предложение сделать заказ. Сара попыталась унять сердцебиение, краска смущения поползла от шеи вверх по щекам, губы пересохли.

– Мне, пожалуйста, коктейль «Бурный оргазм». – Она не узнала собственный голос, прозвучавший низко и хрипло.

– Чего вам?

– «Бурный оргазм», пожалуйста, – повторила Сара несчастным голосом. Щеки горели, она напряглась, чувствуя за спиной движение плотной массы людей и взгляды, обращенные в ее сторону.

Подруги Анжелики на время забыли о кавалерах, на которых отрабатывали технику неотразимого кокетства, столпились в дверях, даже не попытались сдержать коллективное веселье. По крайней мере, кто-то находил ее мучения забавным и получал от них удовольствие.

– Какой вам? – продолжал пытку бармен, глядя на нее с явным раздражением.

– Не знаю, ни разу не пробовала, – попыталась улыбнуться Сара в отчаянной попытке обратить все в шутку.

– Ни разу не пробовали «Бурный оргазм»? Тогда позвольте, я закажу для вас.

В голосе, прозвучавшем за ее спиной, терпком и бархатном, как выдержанный коньяк, слышался акцент, который разительно отличал его от не слишком аристократического говора завсегдатаев «Розы и короны».

Молодая женщина быстро обернулась. Мужчина стоял к ней почти вплотную. Он был таким высоким, что Сара не могла его как следует разглядеть. Глаза уперлись в смуглый треугольник шеи в отвороте рубашки, когда он наклонился к стойке и сказал бармену:

– По одной части водки, «Калуа», «Амаретто»...

По тому, как он произнес «Амаретто», Сара записала его в итальянцы. Интонация была такой интимной, что соски под ее тонкой майкой затвердели. Что с ней происходит? Сара Халлидей никогда не была одной из тех женщин, которые принимают алкогольные напитки от незнакомых мужчин в барах. У нее пятилетняя дочь, и вот уже семь лет она безумно влюблена в отца девочки.

– Спасибо за помощь, – пробормотала она. – Я справлюсь сама.

Сара подняла глаза на незнакомца, и в горле застрял комок. Он стоял спиной к окну на фоне заходящего солнца, но она разглядела темные волосы и худое угловатое лицо с волевой челюстью в трехдневной щетине.

«Полная противоположность Руперту, типичному светловолосому красавцу англичанину, – отметила про себя Сара. – Скорее обаятельный, чем красивый».

В этот момент итальянец слегка наклонился к ней. У Сары возникло чувство, будто он привлек ее к себе и прижал к груди, будто она ощутила тепло его тела. Прищурился темные глаза, он лениво оглядел ее с головы до ног и спокойно сказал:

- Мне доставит удовольствие угостить вас.

- Нет, я сама...

Дрожащими руками она открыла кошелек. Кроме нескольких мелких монет, денег в кошельке не было. Сара вспомнила, что отдала последние пять фунтов в копилку Лотти в качестве штрафа за то, что не сдержалась и употребила грубое слово. Меры наказания, которые Лотти применяла за такого рода нарушения, были драконовскими. В твердости характера и деловой хватке девочка не уступала своему отцу. В панике Сара подняла глаза и поймала равнодушный взгляд бармена.

- Девять фунтов пятьдесят.

Девять пятьдесят! Она заказала коктейль, а не обед из трех блюд. На эти деньги они с Лотти могли бы жить неделю. В ужасе Сара заглянула в кошелек снова. Пока она судорожно пыталась найти выход из щекотливого положения, незнакомец протянул бармену купюру и, взяв бокал, двинулся к веранде. Толпа расступалась перед ним, как Красное море перед Моисеем. Сара двинулась следом, против воли любуясь широкими плечами под выгоревшей голубой рубашкой. В дверях незнакомец протянул Саре бокал с ее безумно дорогим коктейлем, с виду похожим на обычный молочный шейк:

- Ваш первый «Бурный оргазм». Надеюсь, понравится.

На губах совершенно невозмутимого незнакомца играла вежливая улыбка. Когда Сара, потянувшись за бокалом, случайно коснулась руки итальянца, ее будто ударило током. Она испугалась своей реакции.

- Вряд ли, - выпалила она в смятении, отдергивая руку, но тут же опомнилась: - Спасибо, что заплатили за коктейль. Обычно я не заказываю такие напитки, но уверена, мне понравится. - Она сделала небольшой глоток и постаралась изобразить удовольствие.

- Зачем же вы заказали его, если он не в вашем вкусе? - Незнакомец не спускал с нее темных глаз.

Сара смущенно улыбнулась:

– Теоретически я не против бурных оргазмов, но в данном случае это не мой выбор, – она достала конверт, – а всего лишь выпавший мне фант в игре. Видите ли, моя сводная сестра пригласила меня на девичник.

«Сводная сестра. Наверное, надо объяснить, кто есть кто».

– Я так и подумал, – сказал он, переводя взгляд с нее на группу девушек во главе с Анжеликой и Фенеллой, собравших вокруг себя толпу завидных холостяков и занятых веселым флиртом. – Однако не похоже, что вы получаете такое же удовольствие от вечеринки, как и остальные.

– Что вы, мне очень весело! – Сара старалась говорить убедительно. Одна из подружек Анжелики сказала ей как-то, что у нее «плохая аура». Она сделала еще глоток отвратительного «Бурного оргазма» и чуть не поперхнулась.

Мужчина мягко взял бокал из ее рук и поставил на стол.

– Вы самая плохая актриса из всех, кого я знал.

– Спасибо, – пробормотала Сара, – вы только что разрушили мою мечту стать голливудской звездой.

– Поверьте, в вашем случае это комплимент.

Молодая женщина взглянула на итальянца, чтобы понять, не шутит ли он. На мгновение их глаза встретились. Пронзивший тело острый всплеск желания застал Сару врасплох: краска бросилась в лицо.

– Интересно, какие еще задания выпали на вашу долю?

– Не знаю. – Она отвела взгляд. – Каждый фант в отдельном конверте, один внутри другого.

– Сколько вы уже выполнили? Один? – Он улыбнулся, но Сара заметила, что его глаза остались печальными.

– Я сразу перешла ко второму. Первое мне не по силам.

– Что вы должны были сделать?

Сара склонила голову, тряхнув ею, чтобы волосы закрыли лицо.

– Не имеет значения.

Прежде чем она успела ему помешать, он осторожно забрал конверт из ее рук, достал листок и прочитал задание. Сара отвернулась в смущении. Фенелла, наблюдающая за ней с веранды, что-то сказала подругам, все головы повернулись в ее сторону.

– Дио мио, они хотят, чтобы вы познакомились с завидным холостяком? – Итальянский акцент подчеркнул сердитые нотки в голосе.

– Именно так. – Сара усилием воли заставила себя не смотреть в сторону веранды. – Вы, случайно, не холостяк? – И тут же спохватилась, задохнувшись от смущения: – Извините, будем считать, что я ничего не спрашивала.

– Нет, – жестким тоном сказал он, подумал и мрачно добавил: – Далеко не холостяк и уж точно не завидный. – С этими словами незнакомец приподнял пальцем ее подбородок, чтобы она не смогла отвести взгляд. Его темные глаза были непроницаемы. – Но ведь ваши так называемые подружки об этом не знают, – произнес он, накрывая ее губы своими.

«Возможно, не самая разумная из моих идей», – подумал Лоренцо, вглядываясь в поднятое к нему лицо молодой женщины. Он видел, как расширились в изумлении темные глаза, когда его губы прижались к ее губам.

Злость на бесцеремонных девиц, которые откровенно издевались над его новой знакомой, кипела в душе, усиливая раздражение от бессмысленно проведенного дня. Он испытывал скуку, разочарование, тоску, и этот случай развеять хандру был ничем не хуже других. С подчеркнутой нежностью он целовал мягкие губы, вдыхая чистый непритязательный аромат туалетного мыла и пудры. Она дрожала. Тело было напряжено, губы плотно сжаты под его губами.

Инстинктивно его рука скользнула вверх в копну тяжелых шелковистых волос, поддерживая затылок, не позволяя отстраниться. Пальцы начали легко поглаживать ложбинку в основании шеи.

Лоренцо был терпелив, и это очень помогало ему в работе. Другой его отличительной чертой было умение располагать к себе женщин. В обществе итальянца их скованность быстро уступала место непринужденности и доверию.

Он обнимал незнакомку, прижимал к груди, пытаясь подарить ей ощущение тепла и защиты. Он понял, что добился своего, когда услышал тихий стон, ее тело податливо прогнулось под его рукой и она ответила на поцелуй.

Лоренцо поймал себя на том, что впервые за много дней, нет, месяцев, ему хочется улыбаться. И он улыбался, наслаждаясь поцелуем этой странной молодой женщины с роскошной копной золотисто-рыжих волос, удивительно красивой пышной грудью и испуганными глазами.

Он приехал в Оксфордшир в поисках земного рая, описанного в тонкой потрепанной книжке в бумажной обложке, которая случайно попала Лоренцо в руки много лет назад. В романе малоизвестного автора Френсиса Тейта Англия представляла прекрасной, романтической, полной света, радующей глаз и пробуждающей чувства. Вот и Лоренцо надеялся, что на родине писателя к нему вернуться вдохновение, творческие силы, утраченные в последние годы вместе со вкусом к жизни. Однако реальность разочаровала: вместо чарующих сельских пейзажей, описанных в романе Тейта «Дуб и кипарис», Лоренцо увидел похожую на глянцевую открытку плоскую и бездушную пародию на старую Англию.

Рыжеволосая женщина в баре показалась ему первым настоящим, живым, искренним существом с момента приезда в эти края, а может, и задолго до этого. Переживания отражались на ее лице, как облака в воде озера. Он сразу понял, что она не способна лгать и притворяться. Для Лоренцо искренность стала главной чертой, которую он ценил в людях, после того как открылось коварное предательство Тии.

Надо признать, что незнакомка была чертовски сексуальна. Он поцеловал ее из жалости: она выглядела такой грустной и потерянной. Этот поцелуй ни к чему не обязывал и ничего не означал, но неожиданно доставил Лоренцо огромное удовольствие. Его рука скользнула под тонкую майку, он прикоснулся к теплой,

шелковистой коже. Женщина почувствовала охватившее его возбуждение, вздрогнула и напряглась. Глаза широко распахнулись, и она с силой оттолкнула его. Выражение обиды сменилось растерянностью, когда их окружила толпа визжащих и аплодирующих подружек невесты. Еще секунду она стояла в замешательстве, затем ринулась к выходу.

«Конечно, это была шутка. Вечеринки устраивают специально для того, чтобы флиртовать и веселиться, так что ничего особенного не произошло», – твердила про себя Сара. Она пролезла через дыру в ограде парковки и оказалась в зарослях ежевики. Острые шипы больно царапали голые руки. Тыльной стороной ладони она размазывала по лицу слезы. Ой! Она плачет из-за царапин, а вовсе не потому, что не понимает шуток! Даже если речь идет о незнакомце, который целовал ее в баре и при этом ухмылялся, как Чеширский кот. Она не будет расстраиваться из-за таких пустяков.

«Черт, – думала Сара, продираясь сквозь высокие колосья на пшеничном поле. – Ну и чему я удивляюсь? Разве я не та самая женщина, которая неделю назад, обслуживая помолвку, уронила торт с зажженными свечами на глазах у всех гостей, включая жениха и невесту?» Правда, для этого была причина: жених в течение семи последних лет был ее любовником и отцом ее ребенка. Унижения и стыд преследовали ее всю жизнь. Разве маленький эпизод на девичнике у сестры, вызвавший такой восторг подруг, имеет значение для вечной неудачницы Сары Халлидей?

Хуже всего, что случайный поцелуй высокого итальянца заставил ее почувствовать себя особенной, привлекательной, желанной, пробудил ответное желание. Все было чудесно до тех пор, пока она не поняла, что он смеется над ней. Ужасно, что ее подставили, но еще хуже, что она легко купилась!

Закатное солнце слепило полные слез глаза и превращало поле в волнующееся море расплавленного золота. Сара хлестала рукой тяжелые колосья, давая выход злости и отчаянию. Достигнув вершины холма, она закинула голову и глубоко вздохнула, стараясь успокоиться. В закатном небе возник призрачный диск луны. Ночное светило как будто терпеливо ожидало, пока солнце закончит свой торжественный заход. Сара подумала о Лотти и ускорила шаги. Торопясь домой, она уже улыбалась.

Лоренцо наклонился и поднял конверт, оброненный убежавшей от него молодой женщиной. Он ухмыльнулся: если вспомнить сказку о Золушке, девушка должна была потерять туфельку. Он перевернул конверт. У его Золушки было имя. Ее звали Сара. Простое, честное имя, очень подходящее цельной натуре. Расталкивая толпу, он бросился к двери.

Он приготовился догонять и останавливать отъезжающую машину, однако на забитой дорогами парковке было тихо. Женщина исчезла. Заинтригованный, заслонив рукой глаза от красно-золотых лучей закатного солнца, он внимательно оглядел простирающиеся за оградой пшеничные поля. Наконец его взгляд уловил вдалеке, на склоне холма за рестораном, какое-то движение. Ошибки быть не могло: через поле быстрыми решительными шагами шла женщина. Солнечные лучи отскакивали от копны темно-рыжих волос, создавая вокруг головы золотой ореол. Воистину световой эффект, достойный премии «Оскар»!

Лоренцо ощутил почти физический восторг, какой ему приходилось испытывать в работе. Как жаль, что у него нет кинокамеры! Он увидел то, что так долго искал и что ускользало от него: душу и сердце Англии Френсиса Тейта, ее воплощение в вечном чувственном образе женщины с солнцем в волосах, шагающей через поле светлых пшеничных колосьев.

На вершине холма она остановилась, запрокинула голову, глядя на бледный диск луны. Волосы тяжелой волной рассыпались по плечам. Она двинулась дальше и исчезла из вида.

Лоренцо перевел дыхание. Он только теперь заметил, что замер, боясь спугнуть видение. Кем была Сара, почему так стремительно сбежала, не имело значения. Он был благодарен ей за то, что, сама того не ведая, она вернула ему утраченное, как он думал, навсегда желание работать и творческое вдохновение.

«Теперь дело за малым, – мрачно думал он, шагая по пыльной дороге, – получить авторское разрешение на экранизацию».

Тоскана. У этого края была своя аура – терпкий смолистый запах кедра смешивался с ароматами розмарина и высушенной солнцем земли. Она не имела ничего общего с бензиновым смогом, висевшим над Лондоном, который страдал этим летом от небывалой жары.

В висках у Сары стучало, усталость сковывала тело, но, глубоко вдыхая теплый ночной воздух Италии, она чувствовала себя лучше.

– Ты выглядишь разбитой, дорогая, – тихо произнесла ее мать, глядя на дочь поверх бокала кьянти.

Сара подавила зевок и улыбнулась:

– Путешествие было утомительным. Мне нелегко даются перелеты. Но я рада, что приехала.

Это была чистая правда. Она так сосредоточилась на ужасной мысли о свадьбе Анжелики, где в очередной раз ей не дадут забыть о том, какая она неудачница, раз до сих пор без «спутника жизни», что упустила из вида важную деталь: они с Лотти посетят Италию. Эту мечту она лелеяла с детства, с тех пор, когда еще умела мечтать.

– Хорошо, что ты смогла приехать, – Марта пронизательно прищурила глаза, – перемена обстановки пойдет на пользу. Честно говоря, ты не в лучшей форме.

– Знаю, знаю... – Сара смущенно заерзала. Утягивающий пышную талию корсет не добавлял комфорта. Разбитое сердце предполагает отсутствие аппетита и драматическую потерю веса, но Сара еще не вошла в эту фазу. Она определенно застряла на этапе постоянного чувства голода, вызванного стрессом. – Вообще-то я собиралась сесть на диету, но мне сейчас нелегко: постоянные мысли о Руперте, работе, о том, где взять денег.

– Речь не об этом, – мягко продолжала Марта, – меня беспокоит твое внутреннее состояние. Если проблема с деньгами, можешь быть уверена, мы с Гаем всегда поможем.

– Нет! – мгновенно отреагировала Сара. – Все в порядке. Я уверена, что-нибудь подвернется. – Она подумала о письме, полученном недавно от отцовского издателя: очередная просьба дать разрешение на экранизацию книги «Дуб и кипарис». За одиннадцать лет, что она владела авторскими правами на книгу, унаследованными после смерти отца, таких просьб было много. Поначалу она относилась к ним серьезно, однако вскоре поняла, что по какой-то причине Френсис Тейт привлекал только психически неуравновешенных студентов от кинематографии, к тому же без копейки денег за душой. Она испытывала слишком сильное чувство ответственности за литературное наследие отца, поэтому просто перестала реагировать на письма.

– Как дела у Лотти? – задала Марта следующий вопрос.

Сара бросила взгляд на дочь, сидящую на коленях у Анжелики.

– Нормально. – В голосе непроизвольно прозвучали защитные нотки. – Она даже не заметила отсутствия Руперта, что говорит о нем как о плохом отце. Не могу вспомнить, чтобы он вообще когда-нибудь играл с ней. – В последнее время Руперт забегал в их маленькую квартирку на окраине Лондона только для торопливого, механического, не приносящего удовлетворения секса, в обеденный перерыв, когда Лотти была в школе. Сару передернуло при воспоминании о его неуклюжих, равнодушных прикосновениях и бесконечных разговорах о занятости на работе, оправдывающих нежелание проводить с ними, как раньше, вечера и выходные. Она подумала о том, как долго мог продолжаться обман, если бы ее случайно не направили обслуживать злополучную помолвку.

– К лучшему, что он ушел, – сказала Марта, словно читала ее мысли. Хотелось бы надеяться, что не все, это было бы слишком грустно.

– Знаю. – Сара встала и начала собирать со стола посуду. – Мне не нужен мужчина.

– Не передергивай. Я сказала, лучше без него, а не без мужчины вообще. – Марта тоже поднялась и потянулась к бутылке вина на столе, чтобы проверить, не наберется ли там еще на полбокала.

– Мне хорошо одной, – упрямо повторила Сара, обходя вокруг стола с растущей горкой тарелок в руках. Это заявление не было откровенной ложью: она свыклась с одиночеством, но ей стоило лишь вспомнить смуглого итальянца на девичнике у Анжелики, чтобы осознать, что она живет только наполовину. – Ты просто скучаешь без Гая, – заметила она матери, – когда его нет рядом, становишься сентиментальной.

Гай, Хью и другие гости должны были приехать на следующий день, сегодняшний вечер принадлежал «девочкам», как называла их Анжелика. Марта пожала плечами:

– Можешь звать меня романтической старушкой, но я не хочу, чтобы ты пропустила свою любовь, потому что решила смотреть в другую сторону.

«У меня просто нет шансов», – думала Сара, вынося тарелки на кухню. Ее любовная жизнь напоминала пустыню. Вряд ли она пропустит, если что-то, хотя бы отдаленно напоминающее завидного холостяка, появится на горизонте. Но увидеть – одно дело, а удержать – совсем другое.

Из темноты тосканской ночи выступала мягко светящаяся громада фермерского дома с покатыми, расположенными на разных уровнях крышами пристроек. Кухня находилась в конце длинного коридора в одноэтажном помещении с низким потолком, которое, по словам Анжелики, когда-то служило сыроварней и кладовой для молока. Сара поставила посуду на полированный мраморный стол и зажгла свет. Ни Анжелика, ни Хью не любили готовить, но не пожалели денег на суперсовременное оборудование и дизайн. Сара не могла подавить зависть, сравнивая это просторное помещение с крошечной кухонькой в конце коридора своей лондонской квартиры. Жара, усталость и бокал кьянти разрушили защитный барьер и открыли дорогу запретным мыслям. Чтобы вернуть силы, она подставила руки под струю холодной воды. Вышла на крыльцо, вдохнула пряный аромат ночи, прижала мокрые ладони к горевшим щекам и затылку под волосами.

Вернувшись к столу, Сара застала Анжелику за перечислением непреодолимых препятствий, мешающих закончить переустройство дома.

– ...похоже, он помешан на старине. Не позволил нашему архитектору сделать над кухней стеклянную крышу, потому что какой-то дурацкий местный закон

требует использовать традиционные материалы для реставрации старых зданий. Надо, видите ли, перекладывать старую черепицу, – возмущалась она.

Фенелла закатила глаза:

– Ему легко рассуждать, сидя в палаццо шестнадцатого века. Что же, вы должны жить как крестьяне, если купили фермерский дом?

Марта с улыбкой взглянула на Сару, присевшую передохнуть.

– Хью и Анжелика вызвали негодование местной аристократии, – объяснила она, – от палаццо Кастеллацио и далее по округе.

– Аристократии? – скривила губы Анжелика. – Он нувориш! Режиссер Лоренцо Кавальери. Женат на потрясающе красивой итальянской кинозвезде Тии де Луке.

Фенелла пришла в страшное возбуждение. Она реагировала на имена знаменитостей как собака на кость.

– Тиа де Лука? Уже не женат. Журнал, который я купила в аэропорту, опубликовал большое интервью с ней. Она бросает мужа ради Рикардо Марчелло, и, похоже, она беременна!

– Как интересно! – живо откликнулась Анжелика. – Рикардо Марчелло бесподобен. Так, значит, он отец ребенка?

«Можно подумать, они обсуждают близких знакомых», – думала Сара, подавляя зевок. Она знала, кто такая Тиа де Лука – ее знали все, – но ей было непонятно, как можно так искренне интересоваться запутанными подробностями личной жизни людей, с которыми не имеешь ничего общего. Однако Фенеллу такие мысли не тревожили.

– Не уверена. Из ее слов не поймешь, кто отец. Может быть, бывший муж, Лоренцо Как-его-там. – Она понизила голос. – Ты с ним встречалась?

Лотти тихо дремала на коленях у Марты. У Сары слипались веки, и на минуту она прикрыла глаза, откинувшись на спинку стула. Разговор убаюкивал ее.

– С ним общался Хью, – сказала Анжелика. – По его мнению, тяжелый человек. Типичный итальянский доминантный самец – самоуверенный, необщительный и надменный. Мы, к сожалению, должны найти к нему подход, ведь церковь, где мы венчаемся, стоит на его земле.

– М-м-м, – замурлыкала Фенелла. – Я бы тоже хотела найти подход к надменному итальянскому доминантному самцу.

Сара заставила себя очнуться от забытья и открыть глаза:

– Пойдем, Лотти, тебе пора спать.

Услышав свое имя, девочка встрепенулась, но по привычке протянула:

– Ну можно еще чуть-чуть?

На сей раз Сара была непреклонна. Усталость и непонятное беспокойство сделали ее раздражительной.

– Сию минуту в кровать, – строго сказала она, взяв ребенка на руки.

– А где луна? – вдруг спросила Лотти, глядя в небо через ее плечо. – Разве в Италии нет луны?

Раздражение Сары мгновенно улетучилось. Луна была тайной страстью дочери, ее охранным талисманом.

– Конечно, в Италии есть луна, но она давно уже спит, закутавшись в облака. Смотри, даже звезд не видно.

– Раз на небе облака, значит, собирается дождь? – переставая хмуриться, спросила девочка.

– Не говори так, – засмеялась Анжелика, подошедшая поцеловать ее на ночь. – Мы и свадьбу решили сыграть здесь только из-за погоды. В Тоскане не бывает дождей!

Собирался дождь.

Стоя у открытого окна в кабинете, Лоренцо вдыхал запах пересохшей земли и смотрел на черное, беззвездное небо. Ночь была сухой и жаркой, но резкий порыв ветра колыхнул вершины кипарисов вдоль подъездной аллеи, предвещающая перемену погоды.

Спасибо тебе, Господи, за этот дождь. Засуха длилась уже несколько месяцев. Земля потрескалась и превратилась в пыль. Альфредо израсходовал на полив сада все накопленные в бочках запасы воды. Днем из окна открывался вид на однообразно желтые, как выцветшие фотографии, склоны холма ниже палаццо Каstellацио.

В комнате за его спиной послышался стон эротического наслаждения. Лоренцо обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как любовник его бывшей жены, склонившись над ее обнаженным телом, ласкает языком розовые соски.

«Профессионально работает», – равнодушно оценил он, глядя на большой плазменный экран над камином, где в этот момент крупным планом возникли полураскрытые от наслаждения губы Ти. Как актер Рикардо Марчелло был немногим талантливее бревна, но в эротических сценах оживал. Поэтому в только что законченном фильме с огромным бюджетом – драме о молодости итальянского ученого Галилея, жившего в семнадцатом веке, – таких сцен было больше, чем Лоренцо планировал вначале. После просмотра фильма у публики могло сложиться мнение, что Галилей был не столько отцом современной науки, сколько сексуальным гигантом и знатоком Камасутры.

Лоренцо с отвращением нажал кнопку «пауза» как раз в тот момент, когда камера начала очередное эпическое путешествие по обнаженному и усовершенствованному с помощью искусного грима телу Ти. Фильму «Вокруг Солнца» был гарантирован шумный коммерческий успех, но вместе с тем он ознаменовал полное творческое банкротство своего создателя, променявшего душу и совесть на деньги, в которых не нуждался, и славу, которой не хотел.

Он уступил Тии, умолявшей его сделать для нее этот фильм. Может, это была попытка компенсировать то, что он не мог ей дать. Он пошел ей навстречу, а в результате потерял все.

Словно чувствуя его настроение, собака проснулась, подошла, ткнулась холодным носом в руку. Крупный пес по кличке Лупо с сомнительной родословной был бесконечно предан хозяину. Почесывая шелковистое ухо, Лоренцо почувствовал, как злость уходит. Фильм стоил ему развалившегося брака, потери самоуважения, творческого вдохновения. Он стал преградой, которую надо было разрушить, чтобы снова начать жить.

Книга Френсиса Тейта лежала на столе. Он погладил ладонью потрепанную обложку. Лоренцо не расставался с маленьким томиком, перечитывая его в перерывах между работой на съемочной площадке. Он натолкнулся на нее случайно у букиниста в Блумсбери в свой первый приезд в Англию, когда работал на студии курьером и только начинал свою карьеру в кино. Бедному одинокому девятнадцатилетнему юноше книга стала утешением, и даже слово «кипарис» в ее названии звучало как далекий шепот, напоминающий о доме.

Лоренцо перелистывал пожелтевшие страницы со знакомым текстом, и в голове мелькали образы, не утратившие свежести за прошедшие двадцать лет. Фильм вряд ли мог рассчитывать на успех у широкой публики. Вероятно, он не окупит затрат на создание. Но сейчас для Лоренцо не было ничего важнее этого проекта.

Непроизвольно в мыслях он снова возвращался к той сцене с женщиной – Сарой из «Розы и короны», когда она шла по пшеничному полю, солнце играло в волосах цвета меда и золотило загорелые обнаженные руки. Для Лоренцо ее образ стал символом лирической картины, простой и честной, которую он мечтал снять.

Из книги выпал листок и, кружась, упал на пол. Это было письмо от издателя книги Тейта.

«Благодарим за Ваш интерес, но позиция г-жи Халлидей относительно экранизации книги ее отца „Дуб и кипарис“ остается неизменной. Мы поставим

Вас в известность в случае, если в будущем г-жа Халлидей изменит свое решение».

Он сердито бросил томик в ящик стола и вернулся к открытому окну. Ветер усиливался, обещая скорые перемены. Лоренцо надеялся, что некая г-жа Халлидей, где бы она ни была, тоже это чувствует.

Глава 3

Сара проснулась как от толчка. Сердце бешено стучало. В последнее время она часто просыпалась на подушке мокрой от слез, но сейчас происходило что-то ужасное. Она откинула промокшее насквозь легкое одеяло. Старая майка Руперта, в которой она спала, тоже была мокрой. Ее окружала полная темнота: ночная лампа в коридоре не горела. Слышен был только шум дождя.

Ливня.

Внутри дома.

Сара соскочила с кровати, щелкнула выключателем. Никакого эффекта. Она выругалась.

– Мама, я все слышала. С тебя десять пенсов штрафа в копилку, – сонно заметила Лотти. Затем, после короткой паузы, снова прозвучал ее, на сей раз тревожный, голосок: – Мам, все промокло!

Сара сделала усилие, чтобы голос звучал спокойно, как будто холодный душ с потолка был неприятным, но вполне нормальным явлением:

– Наверное, прохудилась крыша. Давай-ка переоденем тебя в сухую пижаму и посмотрим, что случилось. – Держа Лотти за руку, она вышла в коридор и направилась, как она надеялась, в сторону лестницы.

– Давай включим свет. – Голос дочери дрожал. – Мне не нравится темнота.

– Боюсь, свет отключился из-за воды. Не волнуйся, ничего страшного не произошло. Я уверена...

В этот момент из комнаты Анжелики раздался отчаянный крик. Похоже, она только что осознала масштаб катастрофы. Дверь распахнулась, резко усилив громкость вопля:

– О господи, вставайте все! С потолка просто хлещет вода!

Услышав истерические нотки в голосе тети, Лотти крепче вцепилась в руку матери.

– Мы знаем, – стараясь унять раздражение, сказала Сара. – Чем кричать, лучше успокоиться и разобраться, что случилось.

Однако Анжелика продолжала вопить. К ней присоединилась похожая в темноте на призрак Фенелла. Обнявшись, подруги рыдали в голос.

– Девочки, что происходит? – раздался встревоженный голос Марты. – Мне показалось, я случайно заснула в ванне. Все насквозь промокло.

– Похоже, проблема с кровлей, – устало заметила Сара. – Мама, присмотри за Лотти. Анжелика, где найти фонарь?

– Откуда мне знать? – стонала Анжелика. – Это дело Хью. Господи, где он, где папа? Они бы знали, что делать!

– Я знаю, что делать, – твердо сказала Сара. Когда рядом нет мужчины, готового помочь, и все приходится делать самой, вырабатывается качество, которое называется самостоятельность. – Сейчас найду фонарь и посмотрю, что с крышей.

– Не выдумывай! – взвизгнула Анжелика. – Безумие лезть на крышу в такую погоду.

– Она права, – поддержала ее Марта, – неразумная затея.

– Скажите, когда придумаете что-нибудь получше. – С этими словами Сара двинулась на кухню в поисках ящика с инструментами. В столе нашелся маленький фонарь. Тонкий луч осветил стены. Сердце упало, когда она увидела плотные струи воды, которые ручьями стекали на пол и убегали под дверь. Выйдя на крыльцо, Сара направила свет фонаря на крышу, но луч был слишком слаб, чтобы что-то разглядеть.

– Сара, ты совсем мокрая, вернись в дом. – На пороге под зонтом стояла ее мать.
– Мы бессильны против стихии. Анжелика и Фенелла отправились вместе с Лотти к надменному соседу просить о помощи.

Направляя луч фонаря на скат крыши, стараясь увидеть что-нибудь за стеной дождя, Сара запротестовала:

– Сейчас около полуночи. Разве можно ломиться в чужой дом в такой час?

– Что ж такого? Мы дамы, попавшие в беду! – Марта старалась перекричать шум дождя. – Форс-мажорные обстоятельства – мы не можем ждать до утра. Нас надо спасти сейчас!

– Говорите за себя, – сквозь зубы процедила Сара, подтаскивая к стене стул.

Зажав в зубах фонарик, она ухватилась за водосточную трубу, подтянулась. Ценой нескольких царапин на голых коленках ей удалось вскарабкаться на крышу. Кровля выдержала ее вес. Сара поднялась во весь рост, взяла фонарь в руку и направила вверх. Ей показалось, что черепица разошлась чуть ниже конька. В этот момент внизу послышались голоса, и темноту разорвал слепящий свет мощного прожектора. От неожиданности Сара выронила фонарь.

– Черт побери! – воскликнула она, пытаясь удержать равновесие.

– Не двигайтесь, если не хотите разбиться, – раздался приказ снизу.

Свет по-прежнему слепил глаза. Сощурившись, Сара пыталась разглядеть обладателя низкого голоса с отчетливым итальянским акцентом и в то же время инстинктивно отлепляла от бедер и тянула вниз прилипшую мокрую майку, стараясь прикрыть ноги хоть до коленей.

– Возможно, предпочту разбиться, – пробурчала Сара. – Я почти голая, а вы освещаете меня прожектором. Выключите, наконец, свет!

– В темноте вы не сможете спуститься с крыши. – Низкий глубокий голос легко перекрывал шум дождя. – Постарайтесь медленно подобраться к краю. Нижняя балка должна выдержать ваш вес.

– Не смейте командовать. Без вас знаю, что мне делать. Я не такая дура, как вам кажется, – проверила, черепица прочно закреплена, – упорствовала женщина.

– Сара, делайте то, что вам говорят.

Услышав свое имя, она на секунду потеряла дар речи. Откинула с лица мокрые пряди, предприняла новую попытку рассмотреть стоящего внизу мужчину.

– Кто вы такой? Почему я должна доверять вам больше, чем себе?

– Сейчас не время для долгих объяснений. Меня зовут Лоренцо, я живу поблизости и пытаюсь спасти вас от серьезной травмы.

Сара сделала шаг и почувствовала, что черепица под ногой с хрустом треснула. Она вскрикнула, размахивая руками как ветряная мельница, чтобы удержать равновесие. Ей вдруг стало страшно.

– Держитесь. Все будет хорошо.

– Легко говорить. – Сара нервно хихикнула. – Это не вы, а я рискую провалиться сквозь крышу и шмякнуться прямо на обеденный стол. – Она на секунду закрыла глаза, ожидая, когда после всплеска адреналина перестанут дрожать ноги.

– Я этого не допущу. – Лоренцо положил прожектор на землю, и наверху сразу стало темно. – Слушайте внимательно и делайте что говорю.

– Хорошо, – покорно согласилась Сара.

– Медленно начинайте спускаться и остановитесь, когда скажу.

Сара снова вскрикнула, когда очередная плитка хрустнула под ногой. Дождь хлестал по лицу, вода щипала глаза.

– Стойте. Протяните мне руки, я подхватю вас, – скомандовал Лоренцо.

– Нет! Вы не должны! Я слишком тяжелая. – Протесты пришлось прекратить, потому что сильная рука обхватила ее за талию и Сара оказалась прижатой к груди мужчины. Через тонкую промокшую одежду она почувствовала жар его кожи, упругую твердость мышц, обхватила руками мощные плечи. Слово огня разгорался внутри, согревая ее замерзшее тело. – Спасибо, – смущенно пробормотала она, – дальше я сама.

Она сделала попытку отстраниться, но тут же потеряла равновесие: нога соскользнула со стола, на котором они стояли. Сара не стала протестовать, когда крепкие властные руки вернули ее в надежное кольцо объятий.

– Складывается впечатление, что вы все-таки решили погибнуть, – улыбнулся ее спаситель, и, подхватив Сару на руки, легко спустился со стола.

– Если так, можно было придумать более элегантный способ, чем упасть с крыши в неглиже.

Хотя его дыхание оставалось ровным, а шаги легкими и быстрыми, Сару мучила мысль, что он наверняка сгибается под ее солидным весом, и она настойчиво твердила:

– Пожалуйста, опустите меня на землю.

– Здесь острый гравий, а вы босая. – Вот все, что она услышала в ответ.

Прижимая ее к себе, все такими же быстрыми шагами он обогнул дом и направился к припаркованному на аллее мощному внедорожнику. Сару охватила тревога и возбуждение.

– Куда вы меня тащите?

– Домой.

- Пойдите. Да отпустите же, наконец!

Он вздохнул:

- Ну, если вы настаиваете...

Ее босые ноги коснулись мокрых острых камней. Холод пробирал до костей.

- Настаиваю. - Сара надеялась, что разочарование и неуверенность в ее голосе не очень заметны. - Послушайте, я вам очень благодарна за помощь, но теперь мы продержимся в доме до утра. Нас все-таки пятеро...

- Вы ошибаетесь. Вся ваша семья уже в Кастеллацио.

- Нет, это невозможно! Они... то есть мы не можем вот так свалиться вам на голову. Мы сами справимся.

- Забавно. Ваша сестра и ее подруга, кажется Фенелла, утверждают обратное.

Чертова Фенелла. Никогда в жизни не упустит возможность навязать свое общество известному режиссеру и провести время в его роскошном палаццо.

Сара ковыляла по острым камням вслед за Лоренцо, стараясь не отставать. Он открыл для нее дверь джипа. В тусклом свете лампочки, осветившей салон, она смогла лучше рассмотреть мужчину. Сердце вдруг остановилось, потом с болезненным толчком снова забило, когда она увидела острые скулы и упрямую небритую челюсть. Дверь закрылась, свет погас. Лоренцо обошел машину, направляясь к водительскому сиденью. На мгновение он напомнил ей незнакомца, поцеловавшего ее в английском пабе. Такого быть не могло, и Сара прогнала глупую мысль, тем более что почти не помнила, как выглядел тот мужчина. Не хотела помнить.

Она быстро пристегнула ремень безопасности и отвернулась к окну, глядя в темноту.

– Первым делом утром найму опытных местных мастеров для ремонта крыши, – нарушила она молчание.

– Много вы знаете хороших местных строителей?

– Нет, конечно, но любой местный будет лучше тех, которых Анжелика и Хью привезли из Лондона. Они могли натворить что угодно.

– Подозреваю, они положили черепицу вверх дном. Тосканская плитка немного выгнута. Если она перевернута, вода стекает в щели под черепицу. Надеюсь, я не прав, иначе придется перекладывать всю крышу.

– Господи, – простонала Сара, – но ведь свадьба послезавтра. Я должна что-то придумать.

После небольшой паузы Лоренцо спросил:

– Почему вы считаете, что это ваша головная боль?

Сара смотрела на стекающие по стеклу струи дождя.

– Вы видели сестру и мать. Они одинаково беспомощны. Придется ждать приезда Хью и Гая, если мы хотим что-то успеть до свадьбы.

– Я встречался с Хью, а кто такой Гай?

С тихим монотонным шуршанием «дворники» сметали потоки воды с ветрового стекла. В машине было темно. Кондиционер гнал теплый воздух, согревая и убаюкивая Сару. Она наконец расслабилась, откинула голову на спинку сиденья и прикрыла глаза.

– Гай – мой отчим, отец Анжелики. Он человек дела и умеет заставить мир вертеться, особенно вокруг его дочери. Боюсь, однако, перекрыть крышу дома до свадьбы не под силу даже ему.

– Вы не ладите?

– Что вы! Им нельзя не восхищаться. Он обаятельный, остроумный, очень щедрый.

– Но?..

Сара почувствовала, что машина остановилась, но мотор продолжал работать. Стук дождя по крыше создавал атмосферу покоя и безопасности. Может, причиной тому был не дождь, а сидящий рядом мужчина, Лоренцо Кавальери? Она вспомнила ощущения, которые испытала в его объятиях, когда он спас ее от падения с крыши.

Спас ее?

Сара открыла глаза и резко выпрямилась. Она не просила об этом: справилась бы сама. Ей не нужен мужчина, и она не позволит гормонам снова управлять теперь, после Руперта, после незнакомца в «Розе и короне».

– Он мне не отец, вот и все! – коротко ответила она, толкнув дверь и выходя на улицу. Холодные капли дождя на коже принесли облегчение.

«Мир тесен», – думал Лоренцо с улыбкой, глядя на молодую женщину, стоящую перед широкими стеклянными дверями его палатки. Как будто не замечая проливного дождя, прибывшего волосы и стекавшего по лицу, она стояла прямо и спокойно. На ее месте многие женщины, которых он знал, уже бились бы в истерике, как, например, ее сестра, которая требовала зонт, чтобы сделать два шага от крыльца до машины.

– Дверь открыта, пожалуйста, заходите.

Она не двинулась с места.

– Послушайте, мне очень жаль, но так нельзя, – сказала она, когда Лоренцо, подойдя к двери, распахнул ее. – Мы вас совсем не знаем. Может, все-таки.

Свет из холла выплеснулся на темное крыльцо. Пропуская Сару вперед, он увидел, как она сначала сощурилась от яркого света, потом ее глаза расширились, на лице отразился шок. Она узнала его. Женщина быстро сделала

шаг назад в темноту. Лоренцо схватил ее за руку и втащил в холл.

- Вам не удастся сбежать, - тихо сказал он. - На этот раз.

Глава 4

Прижавшись спиной к двери, не замечая роскоши огромного холла, Сара в оцепенении повторяла про себя последние услышанные слова «на этот раз». Значит, он ее узнал? Ее охватил ужас, когда перед мысленным взором в новом унижительном свете промелькнули события последнего часа.

- Все это время вы знали, что это я! Почему вы не сказали?

- А если бы сказал?

- Я бы осталась на крыше! - Она закрыла глаза. Горячая волна стыда захлестнула ее, когда Сара представила, какое зрелище, должно быть, представляла в своей короткой футболке, когда он смотрел на нее снизу.

О господи. Упасть обнаженной в руки незнакомого мужчины достаточно неприятно, но значительно хуже обнаружить, что он не совсем незнакомец. Человек, который освещал прожектором ее едва прикрытое прозрачной от дождя майкой тело, снимал с крыши, а потом, сгибаясь под ее тяжестью, нес на руках к машине, оказался тем самым итальянцем, в насмешку поцеловавшим Сару на девичнике у сестры. Такой позор она вряд ли могла вынести.

- Я так и думал, - мрачно сказал он.

Их диалог был неожиданно прерван возгласом:

- Ну вот и ты, наконец, дорогая! Мокрая как мышь!

Сара еще больше покраснела, увидев мать, спускавшуюся к ним по лестнице, по-прежнему в ночной рубашке и накинутом поверх пальто. В руках она держала

большой стакан с чем-то золотистым, словно присутствовала на богемной тусовке. – Возьми полотенце и скорее присоединяйся к нам. Мы обсушиваем камин и согреваемся восхитительным бренди синьора Кавальери. – Она стрельнула глазами в сторону Лоренцо. – Он так любезен.

Сара вспомнила чувство, которое испытывала в школе, когда Марта и Гай навещали ее, приезжая на «роллс-ройсе» с открытым верхом, и, громко хлопая пробкой, открывали дорогое шампанское, в то время как все кругом пили чай из термосов.

– Мам, пожалуйста, – прошипела она сквозь зубы, шлепая за ней по мраморному полу вестибюля в следующую комнату. – Мне кажется, мы не должны...

Она остановилась. Гостиная, куда они вошли, поражала размерами и столь же изысканным декором, как вестибюль. Впечатление немного портил беспорядок: антикварный секретер у окна и кофейный столик завалены рукописями и еще какой-то бумагой. На огромном кожаном диване перед камином расположились Анжелика с Фенеллой, Лотти и крупный серый пес.

– Лотти, слава богу, заснула, – сказала Марта, наклонившись к свернувшемуся калачиком ребенку. – Синьор Кавальери, позвольте поблагодарить вас за неоценимую помощь, оказанную слабым женщинам в трудную минуту. Теперь, когда все здесь, я хочу, чтобы мы официально представились.

– В этом нет надобности, – с презрительным смешком заметила Сара. – Анжелика и синьор Кавальери знакомы.

– Нет, нет, мы не встречались, – поправила ее Анжелика и обратилась к хозяину дома. – Вы разговаривали с моим женихом Хью, когда любезно согласились.

Вдруг сидящая рядом Фенелла толкнула ее локтем и что-то прошептала. Анжелика округлила голубые глаза:

– Не может быть! Вы были в «Розе и короне» в день девичника, не так ли?

Лоренцо коротко кивнул.

– Невозможно поверить! Вот так совпадение, правда, Фенелла?

– Поразительно, – пропищала Фенелла. Она легко поднялась с дивана и изящным движением сбросила с плеч кашемировый кардиган, оставшись в коротких шортиках и топике. – Уверена, мы бы раньше познакомились, но шалунья Сара тогда вас монополизировала: вы с ней куда-то исчезли.

Сара энергично сушила волосы полотенцем. Хорошо, что руки заняты, иначе она придушила бы Фенеллу. Она обдумывала новую информацию: если Анжелика и Фенелла не просили Лоренцо подшутить над ней, какого дьявола он полез целоваться? И как теперь классифицировать Лоренцо, которого она так безапелляционно записала в мерзавцы после инцидента с «Бурным оргазмом»? Из-под полотенца она видела, как он пожал протянутую Фенеллой руку и отвернулся.

– Насколько я помню, вы монополизировали всех мужчин в баре, так что потеря небольшая.

– Удивительно, что вы оказались в нашем сонном, богом забытом Оксфордшире, – быстро вмешалась Марта. – Раз с остальными вы уже знакомы, я – Марта. Марта Халлидей.

Лоренцо на секунду замер. Узкие глаза стали почти черными.

– Не таком уж сонном, синьора Халлидей. – Он сделал легкое ударение на имени.

– По крайней мере, в тот вечер, когда я был там. Вы долго жили в тех местах?

– С тех пор как мне исполнилось девятнадцать и я первый раз влюбилась. Вы правы, с того времени многое изменилось. – Явно стараясь вернуть разговор в безопасное русло, Марта не жалела красноречия. – Я выросла в деревне – как будто судьба уронила меня в середину романа Томаса Харди. Звучит романтично, но жизнь нас не баловала. «Роза и корона» была маленькой сельской гостиницей. Завсегдатаи сами обслуживали себя за стойкой бара и оставляли деньги в ящичке за прилавком. Френсис, мой муж, проводил там больше времени, чем дома. Говорил, что это единственное место, где зимой ему достаточно тепло, чтобы думать.

– Он писал?

– В основном стихи, но...

– Мам, – раздраженно прошипела Сара. – Сейчас ночь. Не лучшее время говорить о литературе.

Особенно о единственном опубликованном произведении «Дуб и кипарис», действие которого разворачивалось в Оксфордшире и Тоскане. Творческая карьера ее отца не была успешной, и книга не принесла ему признания, но Марта всегда говорила о ней как о творении непризнанного гения. Сару это смущало.

– Извините меня; дорогая, ты права: хватит испытывать терпение нашего спасителя, – улыбнулась Марта, отставляя пустой стакан бренди. – Пора спать. Мы не стесним вас, если останемся на ночь, синьор Кавальери?

– Не обещаю пятизвездочного обслуживания, но надеюсь, вам будет удобно. Комнаты наверху. Однако придется самим позаботиться о себе, поскольку моя экономка уволилась, а я пока не нашел другую.

– Спасибо. У вас чудесный дом, – сказала Марта с сияющей улыбкой. – Завтра рассмотрим его получше. Девочки, пора дать синьору Кавальери отдохнуть.

Пес недовольно поднял голову, когда Анжелика и Фенелла поднялись с дивана, но не двинулся с места. Сара с опаской поглядела на собаку рядом с крепко спящей Лотти. Она примерялась, как перенести девочку на кровать, чтобы не разбудить. В жарких отсветах огня в камине Лотти, которая свернулась тугим клубком и подложила руку под розовую щечку, выглядела иллюстрацией из нравоучительной детской книжки.

Тихий голос за спиной заставил ее так резко вздохнуть от неожиданности, что звук получился неприятным, шипящим.

– Так у вас есть дочь?

Лоренцо стоял рядом с диваном, наблюдая за Сарой без всякого выражения.

– Да. – Сара не умела скрывать свои эмоции так же хорошо, как Лоренцо, поэтому короткое слово прозвучало колко и враждебно.

В такой ситуации мужчины обычно говорили что-то вроде «какой милый ребенок» и искали повод унести ноги, однако Лоренцо Кавальери только кивнул. Он не сводил с Сары глаз. Она опять почувствовала нарастающее возбуждение и легкий спазм внизу живота. Еще бы забыть, что на ней по-прежнему сырая футболка, высушенные полотенцем волосы стоят дыбом и, скорее всего, она сейчас больше всего похожа на неандерталку. Сара быстро склонилась над дочерью, чтобы хозяин дома не заметил краски смущения на лице.

– Я помогу отнести ее в кровать, – сказал Лоренцо, направляясь в ее сторону.

– Спасибо, не надо. Сама справлюсь.

– Можно было догадаться, что вы скажете. – Она уловила в голосе насмешку. – Вы когда-нибудь принимаете помощь?

– Я привыкла делать все сама, – пробормотала Сара, соображая, как поднять с дивана ребенка, чтобы не сверкнуть ничем лишним из-под недостаточно длинной майки. Конечно, Лоренцо уже имел возможность разглядеть все, что имело смысл скрывать, но от этой мысли Сара стеснялась его еще больше. – Отец Лотти мало что делал по дому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.com/ru/grey_indiya/krasavec-i-skromnica

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)